

Цветная война

Снимки фотографа-оккупанта показали в Москве

Коммерсантъ - 2003. - 8 мая - с. 14.

Выставка фото

В московской галерее «Фото-Союз» открылась выставка немецкого фотографа Асмуса Реммера «Война в России. Другой взгляд. Фотографии 1942–1943 годов». На выставке побывала ВИКТОРИЯ МУСВИК.

Небольшой зал, приглушенный свет, развешенные по стенам цветные и черно-белые фотографии. На них улыбающиеся цветущие девушки, играющие дети, бани, поля пшеницы и мельницы. Обычная выставка в профессиональной фотогалерее, каких в год бывает множество: спокойная, камерная, хорошо сделанная. Но на этот раз ее будут долго вспоминать, называя шокирующей и провокационной. Потому что эти снимки были сделаны рядовым гитлеровской армии, побывавшим в России отнюдь не с художественными целями.

Жизнь Асмуса Реммера отчетливо распадается на две части: мирную и военную. Учился фотографии в ателье своей матери, сдал экзамен, получил гордое звание «мастер фотографии», снимал портреты и пейзажи. Продолжал делать снимки и после возвращения из американского плена, вместе с отцом открыл свою студию. Сейчас ему 93 года, и он очень хотел приехать в Москву на вернисаж — да здоровье подвело. В профессиональном мире Реммер не очень известен. Разве что специалисты говорят о том, что он — один из пионеров цветной печати. Обычная судьба немецкого фотографа средней руки — если бы не война в СССР, на которую солдат вермахта Реммер взял с собой камеру.

— У нас были сомнения по поводу того, стоит ли делать выставку накануне Дня Победы, но мы все же решились, — говорит президент Союза фотохудожников России Андрей Баскаков. — Я увидел эти снимки впервые в небольшой берлинской галерее Itago пару лет назад, и они сразу меня потрясли. Такой военной фотографии мы еще не видели.

Военные снимки Асмуса Реммера, как и его дневниковые записи, изданные только в 1987 году, ошеломляют, пугают, шокируют. Но вовсе не тем, что на них изображено, а скорее тем, чего в них нет. Скажем, по-

Трудно поверить, что «Девушки из Акимовки» так наряжались и улыбались для врага советского народа

бедительного торжества, с которым (мы все знаем это с детства, из хроники, из фильмов о войне) враг проходил по нашей стране, давя ее тяжелым сапогом, сжигая деревни, мародерствуя, запечатлевая свои преступления на пленку. Здесь же почти нет самих немцев — только фотографии обозов и колонн с названиями вроде «Как в 1812 году» или «Русские наблюдают за нашим отступлением». Да еще кладбищенские кресты: Асмусу Реммеру поручено было снимать захоронения немецких солдат. Остальное он делал как фотограф-любитель.

Отсутствие врага вызывает чувство оторопи, потом протес-

та, почти внутренней истерики. Как посмел этот солдат-завоеватель, вторгшийся в нашу страну вместе с «ордами немецко-фашистских захватчиков» (фраза, которую также услужливо подсовывает память), смотреть на наших людей с таким дружелюбием? Какое право имел он снимать здесь пейзажи под названием «Утро в деревне» или портрет матери, укачивающей люльку с ребенком, с немецкой сентиментальностью подписывая фотографию «Материнская счастье»? Как могли они надевать ради него свои лучшие платья и столь явно позировать ему — как на снимке «Три поколения. Деревня Кузне-

цы»? И как мог он писать, например, такое: «Мы сделали длинный ночной переход, прежде чем перед восходом солнца увидели первую русскую деревню. Засыпанные снегом дома возникли неожиданно. Из печных труб в розовое утреннее небо поднимался дым. У меня возникло ощущение, что я читаю Библию...»

Второе шокирующее открытие, которое совершаешь на выставке немца Реммера, — это чувство другой, неизвестной России. Точнее, неозвученной — по дореволюционным снимкам русских пикториалистов, Александра Гринберга, Максима Дмитриева. Но не так

должна выглядеть советская деревня, к которой мы привыкли по официальным фотографиям и агитфильмам того времени: колхозные передовики производства, коммунистические праздники. Их нет — а есть мужики в лаптях, румяные улыбающиеся крестьянки, ощущение спокойного достоинства и остановившегося времени. В мире архаичных фотографий Асмуса Реммера нет идеологии — ни коммунистической, ни фашистской.

Парадоксально, что другую Россию открывает пришелец, что солдат чужой армии оказывается не врагом, а внимательным наблюдателем, художни-

ком, подмечающим детали и детальки неизвестной страны, ее обычаи. Что фотограф-любитель в гораздо большей степени, чем официальные авторы, оказался летописцем, создавшим исторические документы потрясающей эмоциональной силы. В какой-то момент ловишь себя на негодовании, относящемся уже прямо к организаторам выставки. В конце концов, какое право имели они разрушать мой уютный мир, в котором есть «наши» и «враги», показывать мне цветные снимки, когда всем известно, что и война, и вся наша история были исключительно черно-белыми?